

РИТОРИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ как средство от «цифровизации»

Александр Александрович Мурашов,
профессор кафедры журналистики Гродненского
государственного университета им. Янки Купалы,
кандидат филологических наук, доктор педагогических
наук, Беларусь, e-mail: alexm55@rambler.ru

«Цифровизация» образования — попытка устранить живого человека с его мыслями, чувствами, словами, устранить живую речь с её бездонной глубиной, с говорящими паузами, с пульсирующим биением интонации, живые отношения — из преподавания и учения. Вполне логичный, впрочем, этап на пути от кофе-автоматов и компьютерных игр к «электронному правительству» и «бунту машин». А почему нет? Герои «Шестидесяти свечей» и «Доживём до понедельника» дают гораздо меньше информации, чем всезнающий Интернет. И — рукой подать до замены батальонов «танчиками», архитекторов — «СимСити», художников — изысками «фотошопа», далее везде... Правда, ни солдата, ни архитектора, ни художника так всё равно не воспитаешь.

- риторическая личность • учитель • коммуникативный лидер • диджитализация
- заповеди риторической личности

Риторическая личность педагога

Цифровая революция — реальность, знаменующая очередной виток в истории человечества. Фотография передаёт предмет куда точнее, чем картина самого яркого художника! Электронная музыка куда обильнее на созвучья, чем создание самого смелого композитора! Интернет-послание куда полнее передаёт разного рода латентные движения мысли, чем краткое письмо, даже самого грамотного корреспондента! А может, и школу — в этот ряд?..

Единственное, что никогда не даст разорвать живую связь, разметать эмоциональные аккорды, разбить наполняющийся со времён Платона и Аристотеля сосуд, — учительская речь. И диалог наставника с учеником. Компьютер — информативнее. Полнее. Обильнее. Точнее. Но — он совершенно безразличен к тому самому диалогу, без которого превращаемый в педагогический менеджмент «процесс обучения и воспитания» едва ли сможет существовать. Это ведь не просто изложение и восприятие информации, это — куда сложнее и многообразнее!

Оплотом такого сложного и многообразного взаимодействия сегодня оказывается

учитель. Но не как источник информации: с этим превосходно справится компьютер. А как риторическая личность, основные заповеди которой, в форме неких отрицаний, сегодня сформулируем. Она, эта личность, спасёт школу. И спасёт учеников. А ещё — спасёт человеческую мысль и человеческую цивилизацию.

Учителю, входящему в класс, вовсе не обязательно напоминать о правилах этикета, об искусстве диалога, о барьерах, которые периодически возникают между ним и воспитанниками. Он, если и не сможет изложить все премудрости коммуникативных технологий и ситуаций, представляет их на основании опыта, тех моментов и эмпирических сюжетов, что были рождены взаимодействием с классом. С классом, а не с цифрой! И всё же есть вещи, о которых учителя забывают, страдая от несостоявшегося диалога и терзая себя мыслями о профнепригодности. Обратимся к педагогическим «не», о которых помнит риторическая личность — та личность, какой обязан быть современный учитель, способный противопоставить себя кульбитам дигитализации. Итак, риторические заповеди — педагогу.

1. Не играть по навязанным сценариям!

Учительнице подложили кнопку на стул — она вскакивает, с ужасом и угрозой оглядывая класс, готовая сорвать собственный урок. От нас этого и ждут! Мы окажемся комедийными недотепами, если примемся вести себя так; а подложивший кнопку, восторженно потирая руки, осознаёт себя зрителем, которого развлекает беснующаяся у доски тетка. Нам это надо? Лучше, мобилизовав все силы, спокойно подняться — и продолжить вести урок, ни словом не коснувшись проделок «шутников». Это окажется своего рода холодным душем, выплеснутым на «зрителя». Это будет поведением риторической личности, которой так хочет гордиться школа.

2. Не воспитывать «стукачей».

«Кто это сделал?!» — спрашиваем мы, сверкая стёклами очков и оглядывая то притихший класс, то карикатуру на доске, в которой явно угадываются элементы нашего габитуса. Виноват тот, кто едва ли вскочит перед классом,

гордо вскинув голову: «Это сделал я!» Тем более мы ошибаемся, если ждём, что на него нам укажут другие: «Он это, он!» Опять же, не будем играть по «подсказанным», а на деле — по навязанным сценариям. И поправим небрежно нарисованную брошку: «Нет, у меня красивая, не как на рисунке». И наведём порядок в изображённой мелом шевелюре: «Вообще-то я недавно от стилиста!» И щёлкнём фотокамерой, сохраняя карикатуру: «На память о художниках». И расскажем о портрете, том самом, глядя на который, Пушкин воскликнул: «Себя, как в зеркале, я вижу...» Ни в коем случае не будем противопоставлять одних учеников другим, если, конечно, это не ситуация, когда важно отделить закоперщиков, очевидных и реальных, от остального класса, которому они мешают. Заповедь риторической личности: не искать виноватого, а устранять конфликт!

3. Не спорить с целым классом!

Даже с одним учеником спорить не следует — лучше найти что-то конструктивное в утверждении, отсюда и «танцевать»; или демонстративно соглашаться со всеми нелепостями, доводя ситуацию до абсурда, над которым будет весело потешаться класс, поставив автора «идеи» в неловкое положение и без наших тирад (приём «доведения до абсурда»). Но с классом спорить риторическая личность не будет! То же самое — упрекать весь класс в непонимании очевидного, в разбитом цветочном горшке или в невыполненной домашней работе. Когда-то чересчур темпераментные учителя в такой ситуации готовы были предъявить знание парнокопытных и пород деревьев. Сегодня, к счастью, такое кажется анахронизмом. Как и формула: «Почему ты не смог — а он смог?» И всё же, чтобы не настроить весь класс против себя, риторическая личность будет отражать не свою точку зрения, а — тех, к кому обращается, для кого живёт. Во всём искать позитив.

Сегодня — фаланга вполне заслуженных двоек. Но вчера-то были высокие оценки! Сейчас — готовы до хрипоты спорить, отрицая очевидное. Но неделю назад, на вечере авторских песен, кажется, мы ощутили, что понимаем друг друга, а значит, можем во всём разбираться вместе, заодно?

А что, собственно, будет, если мы заходимся в яростном споре сразу со всем классом? Уволят? Публично проклянут на педсовете? Ничего подобного. Просто потеряем авторитет в классе. Тогда уж точно понадобятся «цифровые» ходули, и на зеркало неча пенять...

4. Не противопоставлять себя классу.

В старом фильме «Верные друзья» женщина-животновод спасает обезумевшее стадо лошадей — те мчатся, не разбирая дороги и не видя смысла. Она кидается на коня — и оказывается в голове табуна — а оказавшись, меняет его путь, спасая от падения с обрыва. Нет, она ничего не кричала, не размахивала руками, не грозила. В этой сюжетной линии — ключ к отношениям педагога и ребят, готовых спорить до хрипоты. Риторической личности важно оказаться «в голове», а не идти навстречу. Уводить от пропасти, а не направлять к ней. Быть «своим», таким же, как все, а не взирать на класс осуждающими глазами, оставаясь чем-то чуждым — и совершенно безразличным. Умение сначала стать для аудитории «своим», а уже потом, «изнутри», менять неприемлемую точку зрения, называют кризисом. Это настоящее мастерство риторической личности: не сторониться и не навязывать себя — а оказываться вместе с аудиторией, чтобы иметь право влиять на неё. Между прочим, единственно приемлемая для говорящего инклюзивная речь предполагает не «я» и «мы», разделяющие учителя и класс («Сегодня я расскажу вам...»), а как раз наоборот — их объединение. «Мы». «Сегодня мы узнаем...». От этого инклюзивного «мы» падают незримые стены, сокращаются неизбежные расстояния, исчезает стремление снарядить учителя цифровыми подпорками.

5. Не обнаруживать волнения.

Умеющий обращаться к аудитории, причём любой, с непринуждённой снисходительностью сделает то, чего никогда не сделает самый толковый дидакт и самый серьёзный корифей, старающийся каждой фразой и каждой интонацией подчёркивать значимость и объём знаний. Важно не предъявлять достоинства, а вести к значительному росту самих слушателей!

Легко сказать: «Не обнаруживать волнения». А как? Рекомендация первая: знать наизусть вступительную часть нашего обращения. Именно наизусть, то есть так, чтобы с самого начала не думать о словах, а искать код взаимодействия с аудиторией. Рекомендация вторая: взять в руки ручку или планшет, чтобы они не давали закрепить «закрытую» позу, «говорящую» о нас практически то же самое, что и волнение. Рекомендация третья: знать аудиторию, её приоритеты, чтобы с позиции уже сложившихся интересов и биографических нюансов обращаться с сидящим. Рекомендация четвёртая: говорить о том, что на самом деле успело взволновать нас — и что мы попросту не можем говорить плохо, подыскивая слова и пытаясь их согласовать. Чтобы оказаться риторической личностью, мы обязаны принимать решения и знать, а не сомневаться, не заискивать, ожидая каждый миг подвоха. А если уж подвох неизбежен, мы с той же неизбежностью отыщем формулу оптимального реагирования — если не будем изводить себя самоуничижительными сомнениями и поправками, чуждыми риторической личности и не делающими чести абсолютно никому.

Иногда записные «скромняги» начинают обращение к классу словно сутулясь: «Я, конечно, ещё...» Ни в коем случае! Во-первых, этим «я ещё» мы унижаем класс: они ждут минимум всезнающего наставника, а мы преподносим им что-то жалкое и закомплексованное, которое так и хочется заменить файлом или презентацией. Во-вторых, это слова закоренелого эгоиста, начинающего речь, даже отнюдь не триум-

фальную, словом «я». Старательно подчёркиваемая скромность — выплеск столь же старательно подавляемого эгоизма.

6. *Не скрываться под маской строгости и недоступности.* Учитель в классе не девушка на свидании. И не программа, пароль к которой основательно забыт. Будем приветливо улыбаться, даже если этого совсем не хочется делать, и безобидно прикалываться над собственным изображением на доске: пусть оно далеко от совершенства, но важно оценить попытку установить с нами диалог. Даже такую. Не забудем о предназначении риторической личности.

Кстати, вспомним командира, отдающего приказ. Он подпрыгивает, повизгивает, лупит кулаком по столу, упрекая собравшихся во всех на свете грехах? Ничего подобного: спокойно и отчётливо отдаёт приказы, не стараясь казаться более опытным и не пытаюсь состязаться с разъярённым быком. Маска строгости — всегда более верный показатель неопытности, растерянности и неспособности что-либо сделать, чем признание во всём этом. Между прочим, «цифровизация» избавит класс от этих самых масок. И ей за это спасибо — изначально. Однако от человеческих отношений она тоже готова избавить, заменяя их программами: и тут поблагодарить можно только саркастически.

Учителя уверены: чем с большей снисходительностью они говорят с классом, роняя слова, как куски масла на раскалённую сковородку, — тем лучше будут приняты. Может, и так. Но право, а потом и обязанность быть снисходительным — нам дают ребята, а не мы сами! Снисходительность — результат огромных знаний, безошибочной интуиции, а главное — уверенности класса в учителе: такой — не подведёт; этот наставник действительно живёт ребятами мыслями, радуется их радостям; он знает их, они его дети, смысл и цель его существования. Пафосно? Однако ребята должны именно это разглядеть в учителе, предоставляя ему право говорить непринуждённо и предпочитая его компьютерной программе, самой яркой и точной.

7. *Не пытаться заинтересовать собой, а самому интересоваться ребятами — ежесекундно, ежесекундно.* Вот учитель излагает со-

держание диссертации по экологии. Умный? — Очень. Знающий? — Чрезвычайно. Грамотный? — Безусловно.

Но любить его, а значит, идти за ним, увенчав лаврами лидера, — не будут. Риторическая личность не тот, кто превосходно знает предмет, а тот, кто видит его необходимость для класса, — с его, класса, реальными увлечениями, запросами, сомнениями...

Всмотримся в учителя. Методисты, собравшиеся к нему на урок, восторженно ахают: светило! И ребята, перевоплотившиеся в актёров, и стихи, написанные ими к уроку, и пятиминутка «Я вижу музыку», и его умение продолжить каждую реплику — безупречны. На экране — изучаемое произведение на театральных подмостках. Но словно раздался щелчок — класс превратился в концертный зал... Заполнены страницы отчётов. Поставлены колонки оценок. Озвучены восторги. Погасли софиты. И — следующий урок будет самым стандартным. Тема... Кто отсутствует?... Сегодня я вам расскажу... Воробьев, не вертись! Маслова, внимательно! Домашнее задание... И следующий урок такой, и остальные тоже. Актёры, режиссёры и операторы стали обычными учениками, а их наставник — обычным учителем. Впрочем, не вполне обычным — ещё и нечестным: выходит, тот урок, когда класс превратился в театр, только для приехавших? Может, он и светило, эталон эпохи дигитализации, но риторическая личность из него — никакая...

Иногда это так трудно: интересоваться другими, когда в сознании бьётся готовая родиться строчка, руки выводят очередную графическую композицию, губы шепчут единственно точную реплику... Но дело в том, что ученики не «другие». Каждый из них — «я», целый мир, наш с вами общий мир, и учитель, не понимающий этого, остаётся чем-то внешним и безразличным, как компьютерная программа.

8. *Не срывать себе урок.* Лишней фразой. Лишним диалогом. Лишним действующим лицом. О последнем: когда в речи учителя мелькают в виде угроз то «завуч», то «родители», мы демонстрируем нашу собственную слабость и несостоятельность. «Они же не подчиняются...» А как подчиняться тем, кто лишён всякой опоры, а главное — смелости и мудрости? Родители, конечно, наши союзники. Но не наши наставники, в положение которых мы готовы их поставить. Риторическая личность — это умение отвечать за всё самому, являясь и сценаристом, и режиссёром, и актёром.

Что же до лишних фраз... «Кто отсутствует?» — одна из тех, что оказываются лишними — всегда. Потому что, подсознательно видя в нас всезнающих, всезрящих и всемогущих (да-да, и разочарование в этом приводит ко всем конфликтам, какие только могут быть в школе!), ученики допускают, что мы сами это увидим. Каждый из них — «я», а не «он» («она»); именно с принятия этого нам важно обращаться к нам; любое прочее обречено на неудачу. Можно предложить дежурным составлять список отсутствующих и оставлять его перед уроком на учительском столе.

«Так, что у нас по порядку?» — очередная избыточная фраза, нарушающая ход занятия. Как только хотим озвучить что-то подобное, лучше сделать паузу, выразительно посмотреть на класс.

«Я как раз подготовила для вас презентацию», — помимо ошибок в самой фразе (начальное «я»; эксклюзия «я/вы»), она совершенно лишняя, ибо ровно ничего не добавляет в контекст учительской речи, обрекая себя на невнимание класса, а урок — на репутацию скучного и вымученного. Разве актёр на сцене раздумывает вслух, куда подойти ему для следующего эпизода и как начать говорить? Разве сообщает зрителям, что у него есть для них монолог, который он и произнесёт? И разве учитель в классе не то же самое, что актёр на сцене, доносящий до созна-

ния и сердца слушателя правду образа и правду сообщения?

Вот как раз потому, что многие учителя не представляют, как это и зачем это — быть актёрами, в чьей-то ретивой голове и родилось понятие «цифровизации» образования, при которой педагога вполне можно заменить техникой, во много раз интереснее и увлекательнее сообщающей этот же материал. Да только закрыть театры — уничтожить культуру; это знают все, несмотря на ухищрения кинематографа. Механизировать обучение — ничего подобного не значит; и учитель, недоумевающий, как это — быть актёром, можно сказать, ключевая фигура «университетов без преподавателей» и той самой «цифровизации». На самом деле: привыкнув к лишним (и беспомощным) фразам, перестав воспринимать урок как театральное действие, сведя занятие к процессу сообщения и воспроизведения информации, — такие учителя, ничем не отличающиеся от стандартизированных и схематизированных компьютерных программ, разбивают в прах живой диалог сердец, каким всегда гордился школьный урок. Не может учитель быть медиатором. Не может быть заменён программой. Если же ни о каком диалоге сердец он и не думает, значит, всё логично. А вот ухищрения педагогической риторики — это, напротив, что-то лишнее и несвоевременное, чьё место среди героев «Большой перемены» и «Чучела».

«Цифровизация» в заявленном варианте, как наступление на педагога и педагогику, последнее и решительное сокрушение всякого личностного начала и в учителе, и в ученике. Но наставник, видящий в себе лишь источник информации, ровно ничем не отличается от технического «протеза» — вот в чём реальность! А значит, ничего страшного и не произойдёт, если безразличного к ученику учителя заменит безразличная к ним обоим машина. К тому же у неё, машины, куда больше информативный потенциал, чем у самого эрудированного наставника...

Если «цифровизация» — для чего тогда все реверансы педагогической риторики, с её *pro et contra*? Для того, чтобы стало ясно: риторическая личность спасёт школу. И пусть сравнение снова пафосное, но можно ли представить храм, где служба — виртуальная, на экране; свечи ставит робот, а исповедь принимает компьютер? Едва ли. Ибо великая идея, хотим мы этого или нет, является лишь в человеческом облике. Вернуть школе смысл храма, где звучит великая идея, — призвание современного учителя. А иначе — дигитальное клонирование неизбежно.

Дигитализация образования: попытка отыскать позитив

Утверждают, что возможность отыскать позитив — уже преодоление катастрофы. Впрочем, диджитализация, «цифровизация» образования — катастрофа или неизбежный этап на эволюционном пути?

Невзирая на устоявшееся представление о научном стиле как чисто информационном, без каких-либо диалогических интенций, речь преподавателя высшей школы — диалог с аудиторией, будь это практическое занятие или чисто лекционное обращение к собравшимся. Преподаватель информирует — но одновременно он откликается, предвосхищает, вслушивается, призывает, спорит с невысказанными суждениями, предлагает конструктивные решения, формирует энергетические векторы, привлекает к совместному (инклюзивному) рассмотрению предмета.

Иного сегодня не дано. Иное — изначальное согласие на компьютерный монитор вместо рассказа педагога, на интернет-картинки вместо создаваемых в слове образов, на «цифру» вместо человека.

Разумеется, можно лекцию заменить презентацией, семинар — тестами, выполнение домашних заданий — освоением соответствующих компьютерных программ. Однако нарушаются и «эстафета поколений», формирование неопценного опыта межличностного диалога, и момент индивидуализации вузовского занятия, в ходе которого преподаватель, обращаясь к аудитории, имеет в виду сложившиеся у неё приоритеты (апперцепция) и формируемые установки и ценности

(антиципация). А значит, признавая ценность презентаций и вебинаров, позволю себе категорически возразить против дигитализации образования как его обезличивания, стандартизации, унификации.

Наконец, только риторическая личность педагога в состоянии обеспечить креативный компонент — формирование творческого мышления в творческой деятельности. Формы такого креативного импульсирования учебного занятия многообразны. Вот некоторые.

1. Стилизация-сочинение новелл и эссе на заданную тему (обычно — чрезвычайно широкую, например, «Гроза», «Рассвет», «Звёздная ночь», «Искусство», «Любовь»), но в стилистическом ключе прочитанного (выведенного на экран) фрагмента, известного авторским идиостилем.

2. Произнесение фрагментов текста «персонажами», называемыми преподавателем: «манерная барышня», «недоучившаяся топ-звезда», «прапорщик на линейке», «политик на митинге», «грибник, окликающий товарища в лесу» и т.д.

3. Создание парадоксального продолжения начатых текстов — такого, где каламбурно обыгрывался бы смысл различных слов, представляющих с неожиданной стороны: «Он топил печь, и вскоре...» — «...печь утонула» (значения слова «топил»).

4. Включение паронимов в микроконтексты, где яснее оказались бы семантические различия этих слов, определяющие специфику их речевого функционирования (*чугунная ванна — ванная комната; дипломник университета — дипломант конкурса; подвижник духа — сподвижник руководителя*).

5. Сочинение синестетически и трансперсонально мотивированных текстов: «Я вижу музыку»; «Краски моих эмоций», «Рассказ автобуса», «Вспоминания теннисного мяча» и т.д.

6. Создание монологов, обращённых к воображаемому собеседнику исходя из его кругозора, знаний о мире, понимания сказанного сообразно привычным ему контекстам. Так даётся задание, рассчитанное на совместную проблемно-поисковую работу «творческих экипажей»: *рассказать о зиме — жителю пустыни, о компьютере — путешественнику из средних веков, о мегаполисе — обитателю лесной деревушки, ни разу не покидавшему её пределов.*

Нетрудно заметить, что креативный характер самих заданий требует такого же, креативного, их ввода; преподаватель, говорящий бледно, сбивчиво — или стандартно, внеэмоционально, принят в функции коммуникативного лидера на этом этапе не будет.

Риторическая личность не может быть индифферентна к сообщаемому; но важнейший её эмоциональный собеседник — аудитория; те, что ждут от преподавателя совсем не того, к чему готовятся, включая ноутбук или активируя компьютерную программу. И если десятилетие назад наиболее «неравнодушные» преподаватели состязались в преподнесении материала с теледикторами, то нынешний преподаватель, стремящийся к статусу риторической личности, имеет соперником весь Интернет с его поистине безграничными возможностями.

А может, сделать соперника — союзником? И, рассказывая о средневековых замках, обратить внимание аудитории на вспыхнувшее изображение на экране, а проповедуя о важности соблюдения норм языка, вывести на экран изображения реклам, вывесок, билборды, где как раз норма нарушена, за счёт чего ощутим комический эффект?

А может, под воздействием «цифры» ни о какой риторической личности преподавателя высшей школы и говорить не следует: изображение на экране — вот коммуникативный лидер, новая компьютерная программа — вот риторический импульс, удачно сделанная презентация — вот настоящая лекция?! Так

и случится для тех, кто разуверился в своей способности хорошо говорить, делать выводы, рисовать словом, противостоять обаянию стандарта. Но так не случится никогда — в ярком и насыщенном мире тех, кто не нуждается в технических «ходулях» и компьютерных «костылях».

Риторическая личность преподавателя высшей школы, подвергающаяся дигитальным вызовам, проходит сегодня основательную «проверку на прочность»; как искусство художника — с появлением фотографии, талант театрального актёра — с наступлением эпохи кино, мастерство архитектора — с внедрением типовых проектов. Революционные изменения в технологиях предусматривают личностные метаморфозы — как без этого? Именно потому риторическая личность, не воспроизводимая механически, столь востребована сегодня, и прежде всего — как импульс креативного обучения. Остальное — копируемо и воспроизводимо, стандартизируемо и унифицируемо. Между тем именно креативность — базовое качество риторической личности преподавателя. Его речь — творческий ответ на посылы аудитории, его образы — творческая переработка имеющихся знаний, его информация — творческий анализ, а не перечисление открытий и концепций.

Иными словами, в эпоху грозящей диджитализации образования важно модифицировать привычный лекционный монолог, внедрив в него «экскурсии», «путешествия», «походы в музей», «интермедии», «стилизации» — всё то, что, следуя от «клипового» создания, способно противостоять его стандартизации, становясь захватывающим и таким востребованным призывом видеть, размышлять, сравнивать, открывать — призывом к интерактивности, решиться на который может только подлинный художник слова. Преподавание из сообщения фактов и воспроизведения концепций становится мастерством, искусством, созданием уникального и неповторимого. А преподаватель оказывается риторической личностью, способный этот процесс инициировать

и организовать; если это не произойдёт, ему суждено потерпеть поражение в поединке с программами и технологиями.

Где взять преподавателей, способных относиться к своей деятельности, как к искусству; к аудитории — как к зрительному залу; к лекции — как к череде перевоплощений, путешествий и озарений? Это другой вопрос, и ответ на него окажется возможным лишь тогда, когда дигитализация отучит нас смотреть на свою деятельность как на простое дублирование информации, подкрепляемое научным авторитетом и учёными наработками.

Итак, риторическая личность преподавателя — это его способность к интерактивности, в самых разных её формах. Диалог с аудиторией. Общение с фактом. Взаимодействие с постулатом. Новые контексты прежних истин. Неожиданные форматы очевидных суждений. Именно то, что предсказано и рассмотрено технологиями педагогической риторики.

С появлением книгопечатания каллиграфический почерк переписчиков книг перестал цениться столь же высоко. И фотография привела к тому, что умение художника фотографически точно передавать изображаемое оказалось вовсе не главным атрибутом его, художника, мастерства. А приход в нашу жизнь компьютера... Эта революция продолжается, и разные области человеческих отношений осваиваются и изменяются новыми технологиями. Разве кому-то сегодня придёт в голову отказаться от печатных книг или фотографий? И очень может статься, что дигитализация

образовательной системы окажется продолжением технического развития человечества. Другое дело в том, кто уцелеет в этих потрясениях, сохранив прежнее качество. Применительно к педагогике ответ очевиден: преподавание станет искусством, преподаватель — риторической личностью. Альтернативы не существует. Всё стандартное, очевидное и банальное заберёт «цифра». Всё креативно потенцированное останется у человека. Но — способного мыслить неординарно, говорить нетривиально, создавая произведения и рождая открытия.

Если нынешний преподаватель не готов быть художником, актёром, риторической личностью, «цифровизации», как чересчур сурового экзамена, он не выдержит. Давно ощущая себя «бесплатным приложением» к видеотехнике, он и стал им — а значит, его исчезновения в школе не заметит никто. Совсем иное — риторическая личность. Такой тип наставников каждое обращение к аудитории строит как неповторимое, любой диалог с ней организует как личностно востребованный, каждое занятие — как путь к открытию. «Цифровизация» способна вернуть наставнику то же место, какое занимают художник, актёр, композитор. Какое должна занимать риторическая личность. И в такой дифференциации — положительный смысл предстоящих образовательных изменений. **НО**

Rhetorical Personality As A Means Of «Digitalization»

Alexander A. Murashov, Professor of journalism Department, Grodno state University Yankee Kupala, candidate of philological Sciences, doctor of pedagogical Sciences; Belarus, e-mail: alexm55@rambler.ru

Abstract: *The Article raises the question of the communicative specificity of the rhetorical personality of the teacher in specific situations of the classroom. However, the author draws attention to the «digitalization» of education, widely annotated today. Do we need a «rhetorical person» in training based on computer programs? And why, in the author's opinion, such a teacher will save the personal beginning in modern school teaching?*

Keywords: *Rhetorical person, teacher, leader communication, digitalisation, the commandments of the rhetorical personality.*